

ТИМОФЕЙ БЕСПРАЗДНИЧНЫЙ

Солдат Тимофей Потапов был артиллеристом. Если говорить точнее, подносчиком снарядов. Снаряды лежат поодаль от пушки, в ровике. Когда начинается стрельба, подносчик берёт снаряд, несёт его к пушке, там передаёт другому солдату — заряжающему и сам бежит за новым снарядом.

Батарея, в которой служил Тимофей Потапов, стояла на окраине Ленинграда. Фашисты со всех сторон окружили город. Каждый день стреляли по нему. А наши артиллеристы не давали фашистам стрелять. Только фашисты открывали огонь по городу, наши начинали бить по фашистским пушкам. Немецкие артиллеристы убежали в укрытия, и пушки их замолкали. Это написать просто: «Пушки замолкали». Чтобы разогнать фашистов по окопам, нужно было немало отваги и тяжёлой воинской работы.

Вечером 6 ноября, накануне праздника Октябрьской революции, на фронте установилась тишина. Враг не стрелял. Не стреляли и мы. Тимофей Потапов и его товарищи поспешили в свой блиндаж отдохнуть. У пушек остались только часовые.

Командир батареи, проверив часовых, спустился в блиндаж к артиллеристам и приказал всем спать.

— Завтра праздник, — сказал он, — самый большой наш праздник. Фашисты, конечно, постараются испортить этот день ленинградцам. Они и не стреляют сейчас потому, что заняты подвозом снарядов, да и пушек ещё подвезут. Но мы должны сделать так, чтобы враг не стрелял по городу. Каждому придётся работать за двоих. Поэтому все ложитесь спать. Копите силы к завтрашнему дню.

Солдаты легли на земляных нарах. Укрылись шинелями. Погасили коптилку. Но не спалось им. Вспомнилось, каким хорошим был этот праздник в мирное время. Один солдат, оказалось, умел играть на флейте. Он рассказал, как играл с оркестром праздничные марши. Другой был до войны электромонтёром, он устраивал в торжественные дни иллюминацию; это очень сложно — украсить город огнями...

Все солдаты по очереди рассказывали о демонстрациях, о праздничных обедах, гуляньях. Только молчал Тимофей Потапов.

— У тебя праздников, что ли, не было? — спросили его товарищи. — Или ты уснул уже?

— Нет, не уснул, — сказал Тимофей Потапов, — праздников у меня не было. Беспраздничный я.

— Тимофей беспраздничный! — засмеялись солдаты. — Как же может быть такое?

— Может, — ответил Тимофей Потапов. — Я ведь пекарь. Когда вы на демонстрацию ходили, я для вас пёк булки. Вы думаете, на ваш стол в праздник булки с неба падали? Вот этими руками я и тесто месил, и противни в печь ставил.

В темноте не было видно рук пекаря. Но все и так знали, что руки у него сильные, а сам он большой и добрый.

— Испеки нам к празднику по бараночке на брата, — сказал кто-то, — есть ужасно хочется...

— Правду сказать, я свою пекарню каждый раз во сне вижу, — проговорил Тимофей Потапов. — И всё хочу я взять буханку хлеба, и беру её, и отламываю, а как донесу кусок до рта, начинается какой-нибудь другой сон, без продовольствия... Давайте-ка лучше спать. День завтра праздничный. Нам с утра на работу.

Так солдаты и уснули.

Чуть забрезжил рассвет, как артиллеристы были у пушек. Из-за домов появился аэростат. Он был похож на сонного кита, большой, зеленоватый. Аэростат немного покачался над крышами, потом, будто стряхнул с себя сон, быстро пошёл вверх. На нём поднимался наблюдатель — смотреть, откуда будут стрелять фашисты.

Уже совсем было светло. Но фашисты не стреляли.

— Ждут, — сказал комбат артиллеристам. — Ждут, когда ленинградцы из домов на улицы выйдут. — Ну и мы подождём...

— Началось! — вдруг крикнул комбат, прижимаясь в своём окопчике к телефону.

И без предупреждения все поняли: началось. На немецкой стороне загрохали оружейные выстрелы. В вышине, над головами наших артиллеристов, понеслись к городу снаряды.

Тимофей Потапов стоял в ровике. Он ждал, когда старший артиллерийский командир по телефону сообщит комбату местонахождение вражеской батареи. Тогда даст приказ комбат. И начнётся

работа — только поспевай. Надо будет так молотить фашистов, чтобы они не выдержали и полезли в укрытия.

Тимофей Потапов бежал от ровика к пушке, от пушки к ровику. Носил снаряды, отдавал их заряжающему. После выстрела пушка тяжело подпрыгивала на месте, и из неё со звоном вылетала пустая гильза. Работа у артиллеристов шла споро. Они не успели устать ещё, когда комбат приказал прекратить огонь.

— По городу фашисты уже не стреляют, — сказал комбат, и в голосе его была радость. Он стоял в окопчике, прижимая к уху телефонную трубку. — Но теперь держись, ребята! Сейчас фашисты придут в себя, вылезут из укрытий и ударят в нас. Что думает фашистский командир? Он думает вот что: сначала уничтожу русскую батарею. Чтобы не мешала стрелять по городу. Вот что он думает.

Немецкие снаряды упали на батарею не так густо, как ожидалось. Значит, наши артиллеристы разбили несколько вражеских орудий. От такой удачи все работали у пушек очень хорошо, без страха. А опасность была кругом. То тут, то там грохотали взрывы, взлетала земляная пыль, осколки свистели и со звоном ударялись в станины пушек. К Тимофею Потапову эти страшные звуки доносились словно издалека, он почти не слышал их, потому что все его чувства были сосредоточены на исполнении команд комбата.

Всё шло хорошо. Но вдруг заряжающий не взял снаряд. Он посмотрел на Тимофея Потапова так, словно просил прощения, потом зажал руками живот и медленно повалился на бок.

— Санитара к третьему орудью! — выкрикнул что было сил Тимофей Потапов и сам вложил снаряд в пушку.

Теперь Тимофей Потапов работал за двоих: за себя и заряжающего. От ровика к пушке, от пушки к ровику бежал он, но бежал быстрее, выкраивал секунды, нужные для заряжания пушки.

Непривычная команда: «Все к шестому орудью!» — остановила Тимофея Потапова. И он побежал к шестому орудью, хотя не представлял себе в эту минуту дела более важного, чем носить снаряды.

Шестое орудие лежало на боку. Вражеский снаряд угодил под самое колесо и, взорвавшись, свалил пушку. При этом оглушило командира орудия, наводчика и заряжающего. Все трое ничего не слышали — ни человеческих голосов, ни грохота войны. Тимофей

Потапов, трое контуженых, все остальные батарейцы и сам комбат навалились на пушку, страшным напряжением сил подняли её. Батарея в полном составе — все девять пушек — продолжала бой. Она стреляла по врагу так же часто, как стреляла в самом начале.

И фашистский командир не выдержал. Он решил, что его батарея посылает снаряды мимо цели. «Если бы снаряды попадали в цель, русские не могли бы так спокойно и расчётливо отвечать нам», — рассудил фашист. Он приказал изменить прицел.

Разрывы вражеских снарядов стали понемногу удаляться от наших пушек. Когда подняли они тучи щебёнки на ближнем пустыре, комбат приказал прекратить огонь.

— Пусть думают, что теперь попали в нас, что мы в блиндажи попрятались, — объяснил комбат артиллеристам свою команду и засмеялся.

За комбатом засмеялись батарейцы. Смеялся и Тимофей Потапов.

— Ребята! Отставить смех! — крикнул комбат нарочно строгим голосом. — Если мы будем только смеяться, фашисты подумают, что всех нас побили, и, чего доброго, опять ударят по городу. Нам теперь надо показать врагу, будто у нас большие потери. Мы сейчас ответим четырьмя пушками, а потом до самого вечера будем стрелять только из двух.

Наступила осенняя ночь. Стрельба стихла. Ленинградцы справили свой суровый и прекрасный праздник. Фашисты не смогли помешать им. Тысячи артиллеристов, таких, как Тимофей Потапов, приняли удар врага на себя и с честью закончили бой.

Тимофей Потапов после боя два часа отстоял ещё в карауле у пушек. Когда его сменили, он отправился в свой блиндаж. На земляных нарах было просторно: ранило солдата, который умел играть на флейте, ранило и того, который устраивал иллюминацию в праздники. Они были сейчас в госпитале.

Тимофею Потапову снова приснилась пекарня, в которой работал до войны. На этот раз привычный сон — будто он отламывает кусок хлеба, чтобы утолить голод, — не снился. Из-за усталости Тимофей Потапов и на яву-то не стал есть ужин. А снились ему огромные противни, на которых вместо хлебов лежали снаряды. Тимофей Потапов носил противни к печке и совал их в её раскалённое нутро. И было ему страшно, что снаряды на жару взорвутся. Но надо было всю печь наполнить снарядами, и Тимофей Потапов носил и носил их.

Митяев, А.В. Шестой-неполный [текст]: рассказы о Великой Отечественной войне: [6+]/ Анатолий Митяев; рисунки Н. Цейтлина.- Москва: Детская литература, 1987.- 160с.: ил.